

IRIS VAN HERPEN

подчас излишне театральные наряды для особых случаев или свадеб еще с 1950-х, которые надевали не более двух раз за всю жизнь. Другими заказчицами были особы голубых кровей, такие как королева Иордании Рания или первая леди Катара Моза бинт Насер аль-Миснед.

В 2000-х, когда отчасти из-за финансового кризиса, отчасти из-за смены поколений, которые не оценили «старомодный» кутюр, дела пошли хуже, дома кое-как держались благодаря притоку нуворишей из России и Азии. Бетси Блумингдейл, жена наследника знаменитого американского универмага Bloomingdale's, которая заказывала наряды еще у самого Диора в 1950-х и в чьем шкафу хранится почти две сотни платьев, вспоминает: «Это было летом 1996 года в Париже. Я вышла от Valentino, не сделав никакого заказа, и отправилась в свой отель по авеню Монтень. По дороге я просто так зашла в бутик Valentino и увидела его pret-a-porter. Я поняла, что мне нравятся эти вещи. И я могу купить аж три платья по цене одного кутюрного. Вот тогда я начала носить pret-a-porter».

Как бизнес haute couture убыточна. Утверждают, что единственный дом, который получает от этого прибыль, — Chanel. Лагерфельд более 30 лет умудряется удерживать внимание клиентов, удовлетворяя любые капризы. Вплоть до того, что по первому зову Chanel отправляет коллекции самолетом в сопровождении портних для подгонки платьев.

Haute couture всегда отпугивала тех клиентов, которые не любили цирк и поэтому не могли выбрать, что заказать. Как-то в одной из программ тележурналист BBC, не имеющий прямого отношения к моде, увидев показ Christian Lacroix, не выдержал: «Как долго просуществует эта декадентская мода?» В 2009-м Лакруа объявил о банкротстве.

В 2010-х на арене возникают новые игроки, неожиданные для кутюра: Martin Margiela, Jagger Boucra, Iris van Herpen и, наконец, Раф Симонс в качестве креативного директора Dior.

Голландка Ирис ван Херпен, стажировавшаяся у Александра Маккуина, показывает свои коллекции haute couture с 2007

IRIS VAN HERPEN

года. Ее вещи, в которых главным становятся эксперименты с материалами, техниками и технологиями, вышли далеко за пределы привычных представлений о моде. При кажущейся нереалистичности ее платьев-скульптур каждое из них подчинено пластике тела, а новейшие материалы соседствуют с традиционной ручной вышивкой и отделкой. Это не только ее видение современного кутюра, но и вклад в сохранение старинных техник, которые веками передавались из поколения в поколение.

У Рафа Симонса, возглавившего в 2012-м Dior, один из немногих выживших больших французских домов моды, другой подход. «Я постарался привнести реализм в одежду. Наряды должны иметь отношение к тому, как живут женщины сегодня», — говорит он. Здесь для дизайнера важнее всего были эмоции, которые испытывает та, что приобрела платье, скрупулезно созданное специально для нее. «Именно это вдохновляет меня. Жаль, что это недоступно большинству, а лишь тем, кто носит couture», — продолжает Симонс. Его взгляд на наследие Кристиана Диора, с которым его объединяет страсть к современному искусству — архитектурный подход, внимание к фактуре, минимум декора, — оказывается невероятно современным и в то же время очень похожим на то, что делал сам основатель дома. Как ни парадоксально, но то, что делает Симонс в haute couture, очень напоминает то, что делал когда-то главный соперник Диора Кристоаль Баленсиага. Когда Диор настойчиво пропагандировал свой new look, Баленсиага шел поперек, придумывая силуэты и формы, которые станут модными в 1960-х. Haute couture Симонса — это кутюр против кутюра. Кутюр, в котором ценятся современность, качество, комфорт. Так что продажи Dior Couture за последний год выросли на 24%, а средний возраст заказчиц теперь — до 35 лет.

CHRISTIAN DIOR